

Литературный факт. 2025. № 3 (37)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 3 (37), 2025

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-37-205-220>

<https://elibrary.ru/GCMZYO>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (37), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

О датировке одного из писем Л.Н. Толстого к дочери Марии Львовне

© 2025, Ю.В. Прокопчук

Государственный музей Л.Н. Толстого,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с датировкой, содержанием, трактовкой писем Л.Н. Толстого к средней дочери Марии (1871–1906), которая разделяла религиозно-философские воззрения отца, пыталась построить жизнь на основе толстовских нравственных взглядов. Анализируя переписку Толстого и Марии Львовны 1890-х гг., автор пытается обосновать вывод о том, что письмо отца, которое в Полном собрании сочинений писателя (в 90 томах) датируется концом сентября 1895 г., на самом деле было создано в начале октября 1894 г. и является ответом на письмо дочери, написанным тогда же. Для обоснования данного тезиса автор применяет метод сравнительного анализа. Толстовское письмо к Марии Львовне имеет мировоззренческие параллели и даже текстуальные совпадения с письмом Толстого к И.М. Трегубову от 3 октября 1894 г.; есть и другие мировоззренческие, текстуальные совпадения с источниками, датированными 1894 г. Также автор касается содержательных аспектов толстовского письма к Марии Львовне, прослеживая связь идей, отраженных в этом документе, с положениями религиозно-нравственной теории писателя, с его пониманием важности целомудрия, духовного роста, Божеской любви.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, М.Л. Толстая, толстовство, переписка, датировка писем, любовь (агапе), страсть (эрос), целомудрие, духовное развитие, самосовершенствование.

Информация об авторе: Юрий Владимирович Прокопчук — кандидат исторических наук, заведующий экскурсионно-методической службой, Государственный музей Л.Н. Толстого, ул. Пречистенка, д. 11/8, 119034 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9969-4804>

E-mail: prokopchuk17@mail.ru

Для цитирования: *Прокопчук Ю.В.* О датировке одного из писем Л.Н. Толстого к дочери Марии Львовне // Литературный факт. 2025. № 3 (37). С. 205–220. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-37-205-220>

Эпистолярное наследие Льва Толстого огромно. Между тем далеко не всегда легко установить датировки его писем. Многие из них хранятся в Отделе рукописных фондов Государственного музея Л.Н. Толстого без конвертов, а их содержание не позволяет даже приблизительно определить время создания документа. В таких случаях на помощь приходит сравнительное изучение толстовских писем, произведений и дневниковых записей — попытка выявить смысловые и текстуальные параллели в творчестве великого писателя.

Многие письма Толстого к средней дочери Марии не имеют даты написания, отраженной в документе. Долгие годы письма Толстого хранились в личном архиве Марии Львовны. Дочь Толстого их пронумеровала (номер ставился в самом начале письма) и написала ко многим из них краткие комментарии. После смерти Марии Львовны в 1906 г. этот архив перешел к ее супругу Николаю Леонидовичу Оболенскому (1872–1934). Оказавшись за границей, Оболенский в 1926 г. в Париже издал письма Толстого к Марии Львовне в журнале «Современные записки» [2]. В последующие годы эти письма были включены в Полное собрание сочинений Толстого [4]. Датировки и комментарии, которые давала сама Мария Львовна, внимательным образом изучались издателями текстов Толстого; во многих случаях именно свидетельство Марии Львовны было решающим аргументом в пользу датировки.

Письмо Толстого, которое мы будем изучать, датировано концом сентября 1895 г. [4, т. 68, с. 191–192]. В «Современных записках» оно опубликовано под № XXXII [2, с. 239–240] с таким примечанием Марии Львовны: «В Москву, где я жила с мальчиками¹. Ясн<ая> Пол<яна>. Вероятно, тоже Осень 1895 г.». Мария Львовна написала «вероятно», т. к. спустя много лет, когда писались эти примечания к письмам из личного архива, она не помнила уже точно, когда именно написано письмо. Издатели Полного собрания сочинений Толстого, увидев упоминание «осени 1895 г.», решили привязать это письмо к письму Марии Львовны от 24 сентября 1895 г. [3, с. 88–90], потому что данное письмо Толстого является, очевидно, ответом на письмо дочери, а после сентября они осенью уже не переписывались². На самом деле содержание этого

¹ С братьями Андреем и Михаилом.

² Следующее письмо Толстого к дочери датировано в Юбилейном издании 9 марта 1896 г. [4, т. 69, с. 55–56].

источника заставляет усомниться в общепринятой датировке; для выяснения нюансов стоит вернуться на год назад — в сентябрь 1894 г.

***

Тогда Мария Львовна, проживавшая в Москве, написала отцу такое письмо:

Конец сентября 1894. Москва

Читай один

Милый папá, как жаль, что ты не написал нам с Левой больше, раз у тебя было, что сказать нам, а мы оба очень скучаем по тебе и ждем от тебя того, что ты имеешь нам сказать. Лева очень хороша. Я написала о нем Тане, а я немножко упала духом от своей слабости. Я ехала сюда, надеясь, что я настолько окрепла, что присутствие здесь Петра Раевского мне не мешает жить, а оказалось, что опять наступило то старое, стыдное состояние тоски, беспокойства, постоянного замиранья сердца, ожидания, страха, бессмысленного брожения по улицам и опять полное заслонение всей остальной жизни. Если бы ты знал, папá, как это тяжело и безнадежно от этого излечиться. Можно дойти до состояния Хохлова. Но я буду стараться не отчаиваться и буду продолжать бороться с этим.

Мне ужасно стыдно это писать тебе. Оправдываться мне нечем; здесь нет ни дружбы, ни единства взглядов, ни заразы или подпадения его влиянию или его любви (ее нет) — а есть просто какая-то бессмысленная, слепая привязанность, которую не отлепишь от себя. Я никогда с тобой не говорила об этом и не буду, вероятно, потому что мне так стыдно это, но мне хотелось, чтобы ты знал, что это сидит во мне и всегда мешает моей жизни. Научи меня, что мне сделать, чтобы избавиться от этого. Прощай, дорогой мой папá.

Напиши мне, очень буду ждать. Мне стыдно, что я так упала духом.

Твоя Маша

Я видела Петра только раз на улице, почти не говорила. Он явно насмешлив. У нас, спасибо ему, не был, хотя у меня от каждого звонка сердце падает. Как стыдно и гадко [3, с. 86].

Письмо Марии Львовны, которая, очевидно, испытывала особые чувства к Петру Ивановичу Раевскому (1873–1920) и стыдилась их, совершенно исключительное. Это письмо-исповедь, письмо-призна-

ние, в котором молодая девушка просит совета у отца, духовного наставления. Мы хорошо знаем, каким громадным авторитетом обладал великий писатель: даже люди, далекие от него по взглядам, зачастую просили почему-то именно у него совета по личным вопросам. Одним из таких корреспондентов был будущий убийца царской семьи Яков Михайлович Юровский [4, т. 74, с. 225–226], которого уж никак не заподозришь в симпатиях к толстовскому мировоззрению.

Спустя какое-то время, еще не получив, видимо, ответа от отца, Мария Львовна написала еще одно письмо, в котором признавалась:

Милый папá, написавши тебе, я точно освободилась от большой тяжести, мне стало легко и мне показалось, что я очень преувеличила все то, что написала тебе. А главное стыдно, что я не сумела сама справиться с собой и тебе показала свою слабость. Теперь мне легче, и я, кажется, знаю, как помочь себе [3, с. 87].

Толстой ответил на первое письмо 2 октября 1894 г. Об этом он упомянул в коллективном письме к Марии Львовне, которое было написано отцом и сестрами 3 октября 1894 г.: «Вчера послал тебе письмо <...>» [4, т. 67, с. 231]. Комментатор писем А.С. Петровский отметил, что «письмо это неизвестно». Упоминание о посланном 2 октября письме содержится и в толстовском дневнике от 4 октября 1894 г., когда приехавший из Пирогова Толстой внес записи, отразившие события и впечатления сразу нескольких дней: «Написал письмо Маше и Трегубову» [4, т. 52, с. 145]. В Полном собрании сочинений писателя есть письмо к Ивану Михайловичу Трегубову [4, т. 67, с. 231–233], но письмо к Марии Львовне от 2 октября, к сожалению, отсутствует. Между тем письмо это, вероятно, было каким-то особенным; оно должно было быть письмом-наставлением, ответом на письмо-исповедь дочери.

***

Прошел почти год. В сентябре 1895 г. Мария Львовна также проживала в Москве и, увидев Петра Раевского, по-прежнему не могла относиться к нему равнодушно. В письме к отцу от 24 сентября 1895 г. она сообщала:

...на днях перечла твое прежнее письмо ко мне, которое теперь совершенно отвечало на мое настроение, и, как всегда, твое отношение ко мне ободрило меня и устыдило за мою слабость. <...> мне совестно, что вожусь с этим сейчас, что пишу тебе об этом, как и в прошлом году,

в это же самое время. А главное, что с этих пор я не только не окрепла и не победила, но, кажется, еще ослабела. Только ты не думай, что я сдаюсь, я верю, что справлюсь, и уже справляюсь [3, с. 88].

Комментатор А.С. Дробыш слова о «прежнем письме» объяснила так, будто Мария Львовна имела в виду предыдущее письмо отца — от 4 сентября 1895 г. [3, с. 90]. Но в этом письме нет ничего особенного, такого, что следовало бы перечитывать в связи с «настроением» Марии Львовны. А вот то самое письмо, с которого мы начали, как будто специально отвечает на то, что писала дочь Толстого год назад:

1895 г. Конец сентября. Я<сна> П<оляна>

Милая Маша, письмо твое очень тронуло меня. Спасибо, что ты веришь в мою любовь и доверяешься мне. Мне очень больно за тебя, без всякого чувства оскорбления, кот<орое> бывало прежде, просто больно за тебя, жалко, что ты страдаешь, страдаешь таким тяжелым страданием, — я знаю его, — когда низшее подавило высшее, духовное и топчет его, и это духовное оскорблено, изувечено, раздрано, хочет подняться, собраться и не может, — страдаешь, и хочется тебе сразу помочь, избавить от мученья, и знаешь, что нельзя, что это так должно быть, что это отплата за грех — не твой один, а многих, — и мой, и очень, в том числе, — и что надо пережить это. Одно могу сказать: это то, что это пройдет, и опять настанут ясные дни, ясное, твердое, радостное состояние, и это состояние после страданий — вследствие страдания, если оно будет хорошо перенесено, — будет еще тверже, чем прежде. Только бы выдержать время испытания и наказания, не испортив себе будущее. — Еще очень советую тебе две вещи: 1) как можно меньше двигаться, предпринимать: dans le doute, abstiens-toi, и в этом положении борьбы тоже воздерживайся от всякого начинания, движения, и 2) старайся не нарушить равновесия в таком шатающемся положении чем-нибудь еще другим, иногда кажущимся самым ничтожным поступком: не недоспи, не засидись поздно, не переешь, не недоешь, не рассердись, не обидь кого, не трать праздно время... старайся во всем остальном собраться в кучку. Особенно жалко и больно, п<отому> ч<то> ты так хороша, уравновешена была это последнее время. Еще пусть поддержит тебя то, что у тебя много другого счастья, и лучшего, а именно того, что тебя очень хорошо любит так много людей и что мне в том числе ты особенно всегда была и будешь дорога. Но и это все ничего. Главное, то лекарство, кот<орое> ты не сумеешь употребить, это то, чтобы

знать и помнить, кто ты, и то, что ты не Маша Толст<ая>, имеющая такие-то и такие-то чувства, начавшаяся тогда и долженствующая кончиться тогда-то, а ты божественная сила, вечная, орудие Бога, кот<орое> должно делать его дело здесь, и там, и везде, куда он пошлет тебя. Прощай, целую тебя.

Л. Т.

Возникает закономерный вопрос: не могло ли письмо Толстого, датированное на основе слов Марии Львовны (которая оговаривала лишь «вероятную» датировку) приблизительно концом сентября 1895 г., быть написано 2 октября 1894 г.? не могло ли оно являться ответом на приведенное выше письмо-исповедь Марии Львовны? Думается, что так оно и есть. Для доказательства мы можем привести самые разные аргументы.

***

Во-первых, письмо Марии Львовны от конца сентября 1894 г., написанное в совершенно особом ключе, требовало такого же ответа. Письмо-наставление Толстой должен был написать в ответ именно на письмо-исповедь, имеющее одну-единственную тему. Логически, стилистически, эмоционально письмо Толстого якобы от конца сентября 1895 г. связано с письмом Марии Львовны именно 1894 г., а не с письмом, созданным 24 сентября 1895 г.

Во-вторых, в источниках (в дневнике Толстого и письме его дочери) дважды упоминается «неизвестное» письмо к Марии Львовне от 2 октября 1894 г., но ни разу не упоминается письмо Толстого к Марии Львовне, написанное в конце сентября 1895 г.

В-третьих, письмо Толстого, датированное концом сентября 1895 г., имеет явные переклички с письмом Толстого к Трегубову от 3 октября 1894 г., созданным одновременно с «неизвестным» письмом к Марии Львовне от 2 октября 1894 г. Сравнительный анализ двух писем — Трегубов, судя по ответу Толстого, также писал о событиях своей личной жизни — позволяет обнаружить не только содержательные, но и текстуальные параллели.

Так, в обоих письмах присутствует тема сочувствия страданию адресатов:

Мне очень больно за тебя, без всякого чувства оскорбления, кот<орое> бывало прежде, просто больно за тебя, жалко, что ты страдаешь, страдаешь таким тяжелым страданием <...> (письмо к М.Л.).

Не думайте, чтобы ваши страдания были чужды мне: я их переживал и переживаю и потому всей душой сочувствую вам и желал бы помочь вам так же, как желал бы помочь себе (письмо к Трегубову).

В обоих письмах Толстой отмечает, что телесное (низшее) подавило духовное (высшее):

...низшее подавило высшее, духовное и топчет его, и это духовное оскорблено, изувечено, раздрано, хочет подняться, собраться и не может <...> (письмо к М.Л.).

...в таких делах, в наших падениях, совершенно противных нашему сознанию, когда точно перевертывается на минуту человек вверх дном, и то, что властвует, и должно властвовать, и должно быть наверху — духовное, разумное, — вдруг спускается куда-то вниз, исчезает и подпадает под власть телесного, животного, бессмысленного, которое поднимается вверх и властвует <...> (письмо к Трегубову).

В обоих письмах присутствует мысль о том, что помочь избежать этого состояния нельзя, — это последствие греха, отплата за греховные мысли и поступки (эта мысль связана с понятием *кармы*):

...хочется тебе сразу помочь, избавить от мученья, и знаешь, что нельзя, что это так должно быть, что это отплата за грех — не твой один, а многих, — и мой, и очень, в том числе, — и что надо пережить это (письмо к М.Л.).

...в таких делах помочь нельзя: это последствие предшествующих грехов, которые должны иметь свое наказание. <...> Многие грехи наши, особенно когда уже мы давно перестали делать то, что их производило, и живем, ждем плодов добрых от более доброй жизни, когда эти грехи проявляются в нас своими последствиями, удивляют, ужасают нас; <...> но не надо ужасаться, это только значит то, что ты не расчелся еще с грехом, и, как в пушкинском «Выстреле», грех требует от тебя расчета, тогда как ты думал, что ушел от него. Это карма в этой жизни (письмо к Трегубову).

В обоих письмах присутствует совет избежать греха, греховного состояния, выдержать выпавшее на долю адресата испытание:

Только бы выдержать время испытания и наказания, не испортить себе будущее (письмо к М.Л.).

Избегайте греха теперь, устраняйте все то, что нарушает настоящее христианское, любовное, служебное состояние души, вызывайте в себе сознание того, кто вы и зачем вы живете здесь, и вы пожнете плоды этого в будущем <...> (письмо к Трегубову).

В обоих письмах содержится совет искать духовного блага, помнить о духовном начале и истинном предназначении человека:

Главное, то лекарство, кот<орое> ты не сумеешь употребить, это то, чтобы знать и помнить, кто ты, и то, что ты не Маша Толст<ая>, имеющая такие-то и такие-то чувства, начавшаяся тогда и долженствующая кончиться тогда-то, а ты божественная сила, вечная, орудие Бога, кот<орое> должно делать его дело здесь, и там, и везде, куда он пошлет тебя (письмо к М.Л.).

Ищите Царства Божия, которое внутри вас, и правды его, а остальное приложится вам, т. е. ищите наивысшего доступного вам душевного состояния (это состояние наибольшей любви), и остальное все будет хорошо, и перенесете легко последствия грехов прошлого, и они все реже и реже будут повторяться, и не впадете в уныние (письмо к Трегубову).

Эти два толстовских письма настолько похожи и имеют так много совпадений — в том числе текстуальных, — что трудно отделаться от мысли о том, будто они создавались в одно и то же время.

В-четвертых, в письме Толстого к Марии Львовне упоминается понятие, близкое по смыслу к «карме» (воздаянию за греховные поступки); в письме к Трегубову Толстой прямо пишет о «карме», употребляя это слово. Это понятие индийской философии было хорошо знакомо Толстому и раньше, достаточно вспомнить письмо к Дмитрию Александровичу Хилкову от 7 февраля 1892 г., где Толстой подробно раскрывает свои мысли по данному вопросу [4, т. 66, с. 155–157]. Любопытно то, что именно в 1894 г. Толстой особенно часто обращался к этому понятию. Так, в дневниковой записи от 27 июня 1894 г. Толстой размышляет о понятии «карма» применительно к философии Артура Шопенгауэра [4, т. 52, с. 124]. В ноябре 1894 г. Толстой перевел с английского языка из журнала «Open Court» сказку Пауля Каруса «Карма» и отправил это произведение для публикации в журнал «Северный вестник» [4, т. 67, с. 270]. А за 1895 г. слово «карма» не встречается ни разу в дневниках и письмах Толстого.

В-пятых, Толстой в письме к Марии Львовне употребил одну из своих любимых французских поговорок — «dans le doute, abstiens-

toi»³. Как отмечала Э.Е. Зайденшнур: «“Dans le doute, abstiens-toi” впервые встречается (в творчестве Толстого. — Ю.П.) в 60-е годы, а в последний раз — в письме от 1 сентября 1910 г.; Толстой считал эту пословицу “мудрой” и “очень” верил “мудрости этого правила” <...>»⁴. В 1894 г. Толстой в письмах дважды упоминал эту поговорку (2 марта и 12 августа); особенно обращает на себя внимание текст письма к Николаю Николаевичу Ге-сыну, где выражение данной мысли весьма похоже на текст письма к Марии Львовне, который мы изучаем: «В сомнении воздерживайся, говорят, а я бы сказал еще: в беспокойном, нелюбовном состоянии воздерживайся, замри, жди, когда придет доброта; а пока не решай» [4, т. 67, с. 190]. В письмах Толстого 1895 г. эта поговорка не упоминается ни разу.

***

Наконец, особого разговора требуют очевидные параллели письма Толстого к Марии Львовне с некоторыми идеями китайской философии. В письме содержится совет «как можно меньше двигаться, предпринимать» и воздерживаться «от всякого начинания, движения». Эти слова прекрасно отражают даосский принцип у *вэй*, 无为, «недеяние», суть которого изложена в «Дао дэ цзин». Известно, что даосский трактат Толстой переводил на русский язык вместе с Евгением Ивановичем Поповым в 1893 г., а в мае 1894 г. вновь обращался к этому памятнику, редактируя перевод на русский язык японца Кониси Масутаро. Кониси утверждал, будто он регулярно встречался с Толстым в ноябре-декабре 1894 г. по поводу перевода «Дао дэ цзин», однако подтверждений этим фактам автор статьи о Кониси Сато Юсукэ не нашел [1, с. 257]. Так или иначе, в 1894 г. Толстой неоднократно обращался к «Дао дэ цзин», где отражен принцип у *вэй*.

Другие цитаты из письма Толстого к Марии Львовне отсылают нас к конфуцианской традиции: «...старайся не нарушить равновесия в таком шатающемся положении чем-нибудь еще другим, иногда кажущимся самым ничтожным поступком <...>». Представления о «равновесии», об отказе от крайностей сродни понятию «срединного пути» в конфуцианстве. В одной из более поздних дневниковых записей, излагая суть «учения о середине», Толстой сам применяет это слово:

В то время как человек находится вне влияний удовольствия, досады, горя, радости, он находится в состоянии *равновесия* (здесь

³ Если сомневаешься, воздержись (*франц.*).

⁴ Зайденшнур Э.Е. Пословицы и поговорки в произведениях, дневниках и письмах Толстого // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 69, кн. 1. С. 562.

и далее курсив мой. — Ю.П.) и в этом состоянии может познать самого себя (свою природу и свой путь). Когда же чувства эти возбуждены в нем после того, как он познал самого себя, то чувства эти проявляются в должных пределах и наступает состояние согласия.

Внутреннее *равновесие* есть тот корень, из которого вытекают все добрые человеческие деяния; согласие же есть всемирный закон всех человечески<х> деяний.

Только бы состояния *равновесия* и согласия существовали в людях — и счастливый порядок царствовал бы в мире, и все существа процветали бы [4, т. 54, с. 57–58].

А.И. Шифман, анализируя этот фрагмент, отмечал:

Здесь, как мы видим, конфуцианское понятие середины, равновесия толкуется в социально-этическом плане как принцип человеческого поведения и взаимоотношений между людьми. По Толстому, линия середины есть нечто вроде этического компаса, который помогает человеку определить, находится ли он в состоянии морального равновесия, внутреннего согласия, необходимых, чтобы следовать по правильному пути. Отклонение от этой линии ведет к нарушениям во взаимоотношениях между людьми и обществом⁵.

Нетрудно убедиться, что именно такая — моральная, специфически-толстовская — трактовка «срединного пути» («равновесия») получила изложение и в разбираемом нами письме Толстого к Марии Львовне. О «равновесии», как некоем «этическом компасе» (говоря словами А.И. Шифмана), Толстой упоминает и в некоторых других произведениях. Например, в послесловии к книге Попова «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина, 1866–1894» Толстой писал:

Все люди, которые двигают вперед человечество и первые и одинокие выступают на тот путь, по которому скоро пойдут все, выступают на этот путь не легко и всегда со страданием и внутренней борьбой. Внутренний голос влечет по новому пути, все привязанности, предания, слабости, все тянет назад. И в эти минуты неустойчивого равновесия всякое слово поддержки или, напротив, задержки имеет огромное значение [4, т. 39, с. 97].

---

⁵ Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1971. С. 52.

Предисловие⁶ к книге Попова Толстой начал писать в январе 1895 г., т. е. через три с лишним месяца после предположительной даты создания изучаемого нами письма.

***

Конечно, все эти аргументы являются лишь косвенными доказательствами создания данного письма в 1894 г., а не в 1895 г. Очевидно, что установить дату наверняка, со стопроцентной вероятностью, не представляется возможным. Но вся совокупность фактов подводит нас к этой мысли. Данное толстовское письмо весьма ценно, оно прекрасно характеризует Толстого-мыслителя, Толстого-проповедника, духовного наставника, уверенного в истинности своих представлений о подлинно-духовной природе человека.

***

Говоря о письме Марии Львовны и ответе Толстого, нельзя обойти вниманием чрезвычайно важный вопрос, касающийся содержательной стороны данных документов и понимания смысла слов Толстого, сути его советов Марии Львовне. Часто публикаторы документов уделяют внимание чисто формальной стороне вопросов переписки, стараясь прокомментировать имена, географические названия, исторические события, биографические моменты, упоминаемые в документе. Все это, несомненно, важно — это проливает свет на обстоятельства составления комментируемого источника, позволяет выяснить важные нюансы, имеющие отношение к духу эпохи, перипетиям жизни автора документа. Однако бывает так, что даже хорошо написанные комментарии не приближают к пониманию сути и смысла публикуемого источника, не позволяют выявить особенности позиции авторов писем или дневников. В таких случаях необходимо вступить на почву не фактологических, а именно герменевтических поисков, которые также требуют хорошего знания источников, особенностей эпохи, нравственных, мировоззренческих ориентиров, которых придерживались создатели документов.

Разбираемый нами эпизод переписки Толстого и его средней дочери прекрасно иллюстрирует данный случай. Читателю, не знакомому с основами религиозно-нравственного учения Толстого, в этой переписке многое может быть непонятно: что именно беспокоит

⁶ Ср.: «Во время печатания книги В.Г. Чертков обратился к Толстому с письмом от 20 марта 1895 г., в котором советовал Толстому поместить его статью не как предисловие к книге Попова, а как послесловие к ней, основываясь на характере статьи Толстого. Толстой согласился с этим предложением...» [4, т. 39, с. 236].

Марию Львовну? почему она пишет о «своей слабости»? почему Марии Львовне «стыдно и гадко»? и что именно ей советует Толстой? о каком именно «испытании», «наказании» и «страдании» говорит он? о каких людях, любящих Марию Львовну, пишет Толстой? Ответы на эти и другие вопросы требуют более детального ознакомления с основами толстовского учения.

***

Считается, что Толстой очень ревниво относился к романам собственных дочерей и часто не желал, чтобы они вышли замуж, создали семью. И если принять за гипотезу истинность данной установки, переписку Толстого с дочерью можно рассматривать как прекрасную иллюстрацию подобных толстовских устремлений. На самом деле причина подобной переписки намного глубже, и связана она отнюдь не с психологическими аспектами вопроса (странная ревность отца к возможному браку дочери), а исключительно с религиозно-нравственными.

В то время уже была создана «Крейцера соната» и послесловие к ней, в которых Толстой обосновал свой взгляд на отношения мужчины и женщины. Идеалом — именно религиозным идеалом, отвечающим духовной природе человека, — Толстой признал целомудрие, а брак (даже по любви) считал отступлением от этого идеала. Если мы применим эти воззрения к переписке Толстого и его средней дочери, если мы примем во внимание тот факт, что перед нами — переписка двух личностей, разделяющих основы толстовского учения, то многое прояснится.

***

В послесловии к «Крейцеровой сонате» Толстой писал:

...надо, чтобы изменился взгляд на плотскую любовь, чтобы мужчины и женщины воспитывались бы в семьях и общественным мнением так, чтобы они и до и после женитьбы не смотрели на влюбление и связанную с ним плотскую любовь как на поэтическое и возвышенное состояние, как на это смотрят теперь, а как на унижительное для человека животное состояние <...> [4, т. 27, с. 80].

Сурово обличая нравы современного общества, писатель отрицал те представления о поэтической возвышенности любви мужчины и женщины, которые активно тиражировались в произведениях литературы. Он полагал, что

...надо перестать думать, что любовь плотская есть нечто особенно возвышенное, а надо понять, что цель, достойная человека, — служение ли человечеству, отечеству, науке, искусству ли (не говоря уже о служении Богу), — какая бы она ни была, если только мы считаем ее достойной человека, не достигается посредством соединения с предметом любви в браке или вне его, а что, напротив, влюбление и соединение с предметом любви (как бы ни старались доказывать противное в стихах и прозе) никогда не облегчает достижение достойной человека цели, но всегда затрудняет его [4, т. 27, с. 83].

Мария Львовна, хорошо знавшая эти положения и вполне разделявшая их, воспринимала свою влюбленность именно так: не как возвышенное чувство, а как «унизительное для человека животное состояние». Поэтому то письмо, которое мы читаем, и похоже больше на исповедь: тут присутствует стремление рассказать о своем грехе и облегчить свое состояние, а также получить совет от того, кто является безусловным моральным авторитетом, духовным наставником, — от человека, который сформулировал те самые моральные ориентиры, которыми руководствовалась Мария Львовна.

Толстой пишет дочери о «низшем» и «высшем» началах в человеке, о подавлении второго первым, что часто встречается в жизни. Конечно, Мария Львовна, хорошо знавшая содержание толстовских трудов последних пятнадцати лет, могла бы без труда привести аналогичные примеры трактовки «высшего» (духовного) и «низшего» (телесного), которые имелись в творчестве отца. Можно сказать, что это противопоставление очень часто встречается в толстовских трудах. Есть оно, например, в трактовках евангельского текста — в «Соединении и переводе четырех Евангелий» это основная тема шестой главы «Пища жизни — не хлебом сыт» [4, т. 24, с. 353–430]. Именно в плане противопоставления плотской и духовной жизни Толстой трактует многие евангельские притчи. В трактате «О жизни» [4, т. 26, с. 311–442] Толстой обозначает главное противоречие человеческого существования — разницу в восприятии телесной и духовной (разумной) жизни. Соответственно, путь плотской любви — влюбления, увлечения — это путь, основанный на ложном понимании жизни, он ведет к небытию; иной же путь является следствием рождения духом и появления в личности «разумного сознания».

При чтении письма Толстого, его слов: «Мне очень больно за тебя <...>», — адресованных Марии Львовне, может возникнуть ощущение того, что невинное увлечение Раевским Толстой

воспринимал (собственно, как и Мария Львовна) как греховный, порочный поступок, заслуживающий осуждения. Толстой в этой переписке, как может показаться, выступает в роли слишком сурового Савонаролы, беспощадно бичующего любые проявления чувств дочери. На самом деле это не так. Толстой воспринимал жизнь как путь; то, что писатель называл соблазнами (соблазнами плотской жизни), он считал отклонением от истинного пути. Фраза из письма Марии Львовны: «...я так упала духом» — многое объясняет. Речь идет не о традиционном понимании греха (греховных поступков, помыслов) и последующем покаянии. Правильно говорить — в духе толстовского учения — о временном забвении духовной жизни и о возвращении на верный путь, к «ясному, твердому, радостному состоянию <...>». Речь идет об избавлении от «страданий», которые связаны именно с отклонением от «пути жизни». Характерно толстовское упоминание о «лекарстве», которое должно помочь: воспоминание о своей подлинной (духовной, божественной) сущности, о своем предназначении в жизни и есть необходимое средство. Толстой воспринимал свою дочь как путника, сошедшего (временно) или желающего сойти с истинного «пути жизни», движение по которому и составляет счастье человека.

***

В письме Толстого есть еще одна фраза, которую современный читатель может неправильно понять: «Еще пусть поддержит тебя то, что у тебя много другого счастья, и лучшего, а именно того, что тебя очень хорошо любит так много людей <...>». Слово «любовь», как известно, имеет несколько значений в древнегреческом языке — языке Евангелия. Высшая любовь, та любовь к Богу и ближнему, которая составляет счастье человеческой души и о которой говорил Иисус Христос, обозначается словом *agape*, ἀγάπη. Когда Толстой в своих поздних произведениях, дневниках писал о «любви», то в 80–90 % случаев он имел в виду не *филию*, φιλία (симпатию, привязанность), не *сторге*, σπουδή (любовь родственников, близких людей) или *эрос*, ἔρως (влечение, страсть), а именно евангельскую любовь — *агапе*. Именно она и составляла предмет чаяний позднего Толстого, именно она являлась отражением самой сущности христианского учения. Когда Толстой писал Марии Львовне о том, что многие ее любят, он имел в виду, конечно, не ту любовь, о которой пишут в романах, стихах. Не любовь-эрос, которая в современной литературе практически вытеснила другие смыслы этого слова. Он не хотел утешить Марию Львовну, сказать, что расстраиваться из-за равнодушного отношения к ней Раевского не стоит, что у нее много других поклонников,

которые ее любят (Павел Иванович Бирюков, Николай Августович Зандер и проч.). Нет, смысл был совсем другим: Толстой хотел написать, что многие люди любят Марию Львовну истинной, духовной любовью и желают ей благополучия в толстовском понимании этого слова — того истинного блага, к которому только и надо стремиться.

***

Современники великого писателя всегда ценили толстовское слово, многие из них хотели вступить в переписку с ним только для того, чтобы получить ответ, пусть и не по самому актуальному и важному вопросу, созданный автором «Войны и мира». Но Толстой особенно любил письма тех корреспондентов, которых интересовали близкие ему религиозные вопросы, проблемы смысла жизни, нравственного выбора личности. Тех, которые воспринимали саму жизнь так же, как и Толстой, — через призму неуклонного нравственного развития, самосовершенствования. Именно к таким, любимым, корреспондентам Толстого и принадлежала его дочь Мария Львовна.

Литература

1. Лев Толстой и его современники. Энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. М.: Парад, 2010. 652 с.
2. Письма Л.Н. Толстого к дочери Марии Львовне // Современные записки. 1926. № XXVII. С. 216–291.
3. Письма Марии Львовны Толстой к отцу, 1888–1897 гг. // Толстовский ежегодник, 2003. Тула: Дизайн-Коллегия, 2006. С. 42–110.
4. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: [в 90 т.]. М.; Л.: Госиздат, 1928–1929; ГИХЛ, 1931–1958.

Research Article

On the Dating of One of Leo Tolstoy's Letters to His Daughter Maria Tolstaya

© 2025. Yuri V. Prokopchuk
Leo Tolstoy State Museum,
Moscow, Russia

Abstract: The article deals with some aspects related to the dating, content, and interpretation of Leo Tolstoy's letters to his middle daughter, Maria (1871–1906),

who was a staunch supporter of her father's religious and philosophical views. (For many years, she tried to build her life based on Tolstoy's moral ideas.) In analyzing the 1890s Maria Tolstaya's correspondence with Tolstoy, the author attempts to establish the conclusion that Tolstoy's letter (dated late September 1895 in the Complete Works in 90 vols.) was actually written in early October 1894 and was a response to his daughter's letter she sent him at the same time. The author applies the comparative method to justify this thesis. Tolstoy's letter to Maria has ideological parallels and even textual overlaps with Tolstoy's letter to Ivan Tregubov (3 October 1894). Also, there are other ideological and textual overlaps with dated 1894 sources. Additionally, the author reveals the content of Tolstoy's letter to Maria, tracing the association of ideas contained in it with the basic provisions of Tolstoy's religious and moral theory, with his understanding of the importance of chastity, spiritual evolution, and Divine love.

Keywords: Leo Tolstoy, Maria Tolstaya, Tolstoyan movement, correspondence, dating of letters, love (agape), desire (eros), chastity, spiritual evolution, self-cultivation.

Information about the author: Yuri V. Prokopchuk, PhD in History, Head of the Excursion and Methodological Service, Leo Tolstoy State Museum, Prechistenka St., 11/8, 119034 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9969-4804>

E-mail: prokopchuk17@mail.ru

For citation: Prokopchuk, Yu.V. "On the Dating of One of Leo Tolstoy's Letters to His Daughter Maria Tolstaya." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (37), 2025, pp. 205–220. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-37-205-220>

References

1. *Lev Tolstoi i ego sovremenniki. Entsiklopediia [Leo Tolstoy and His Contemporaries. The Encyclopedia]*. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Parad Publ., 2010. 652 p. (In Russ.)
2. "Pis'ma L.N. Tolstogo k docheri Marii L'vovne" ["Leo Tolstoy's Letters to His Daughter Maria"]. *Sovremennye zapiski*, no. 27, 1926, pp. 216–291. (In Russ.)
3. "Pis'ma Marii L'vovny Tolstoi k ottsu, 1888–1897 gody" ["Maria Tolstoy's Letters to Her Father, 1888–1897"]. *Tolstovskii ezhegodnik, 2003 [The Tolstoy Yearbook, 2003]*. Tula, Dizain-Kollegiia Publ., 2006, pp. 42–110. (In Russ.)
4. Tolstoi, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. [The Complete Works: in 90 vols.]*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1928–1929, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1931–1958. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.02.2024

Одобрена после рецензирования: 11.11.2024

Дата публикации: 25.09.2025

The article was submitted: 20.02.2024

Approved after reviewing: 11.11.2024

Date of publication: 25.09.2025